

Бо Хуай невольно подумал:

"Ну как можно быть настолько очаровательным?"

— А сам только что требовал, чтобы я спрятал феромоны, — с усмешкой напомнил он.

Цзянь Сунъи хмурился и упорно молчал. Ему было невыносимо тяжело, но гордость не позволяла просить дважды.

Но Бо Хуай, хоть и поддразнивал его, всё же протянул руку:

— Ладно, дыши.

У него были красивые руки: тонкие запястья, бледная кожа, изящные длинные пальцы с четко очерченными суставами. Под лампой мягко проступали тонкие синеватые вены, пульсирующие в такт биению сердца, а вместе с током крови наружу пробивались едва уловимые, успокаивающие нотки феромонов.

Цзянь Сунъи едва заметно коснулся языком острого клыка. Ему до безумия захотелось укунить эту руку.

Однако он вовремя напомнил себе о необходимости держать лицо, сохранять хладнокровие и гордость. С напускным пренебрежением перехватив Бо Хуая за запястье, Цзянь Сунъи склонил голову и прильнул к его руке, вдыхая аромат.

Этот запах действовал как противоядие, но в то же время походил на вкрадчивый медленный яд. Он временно облегчал страдания, но пускал корни глубоко внутрь, заставляя жаждать большего и лишая всякого желания избавиться от этой зависимости.

Одного вдоха оказалось мало, за ним последовал второй.

Потребовалось еще несколько таких вдохов, чтобы жар наконец отступил. С видом величайшего одолжения Цзянь Сунъи выпустил запястье Бо Хуая и лениво зарылся обратно под одеяло. Своей царственной позой он сейчас напоминал императора, готового величественно бросить: «Можешь идти, верный слуга».

Он даже не осознавал, насколько двусмысленно и интимно выглядело всё то, что он только что проделал.

Бо Хуай вздохнул. Похоже, пришло время восполнить пробелы в знаниях этого новоиспеченного омеги, который, судя по всему, благополучно проспал все школьные уроки полового воспитания.

Он отнял запястье, успевшее нагреться от чужого дыхания, и слегка размял сустав:

— Ты хоть знаешь, что такое период гона?

Уши Цзянь Сунъи предательски покраснели.

Бо Хуай понимающе кивнул:

— Вижу, что знаешь.

Бо Хуай не ожидал, что этот упрямец окажется столь стыдливым в таких вопросах.

"Что ж, в будущем придется вести себя осторожнее и соблюдать дистанцию"

Пока в голове проносились эти мысли, внешне Бо Хуай оставался абсолютно невозмутимым.

— А понимаешь ли ты, почему тебе становится легче, стоит лишь вдохнуть мои феромоны? Что это значит?

Цзянь Сунъи промолчал, сердито подумав про себя:

"Это значит, что ты держишь меня на крючке"

— Это значит, что наша совместимость по феромонам чрезвычайно высока, — продолжил Бо Хуай. — Как минимум, девяносто процентов. Мы идеальные кандидаты на роль партнеров.

— С какой стати я должен становиться твоим партнером... Погоди-ка. — Цзянь Сунъи внезапно замер, а его глаза округлились от шока. — То есть теперь я должен связать жизнь с... альфой?! С альфой?!

По его ошарашенному лицу и сорвавшемуся голосу было ясно: этот удар судьбы поразил его в самое сердце.

Бо Хуай понял, что недооценил масштаб катастрофы. Та детская бумажка с ложными результатами наделала немало бед. Знай Цзянь Сунъи с самого начала, что родится омегой, он бы не вырос настолько прожженным «альфачом», свято убежденным, что его идеальная пара — это кроткий омега.

"Чертова шарашкина контора. Давно пора было ее закрыть"

Не обращая внимания на экзистенциальный кризис, разыгравшийся на лице друга, Бо Хуай слегка ослабил воротник рубашки:

— В течение первого месяца после пробуждения генов у тебя начнется первый период гона. Его продолжительность и сила полностью зависят от твоего организма. Так что отныне ты обязан повсюду носить с собой подавители на случай непредвиденных обстоятельств. Ты меня услышал?

Едва оправившись от шокирующей мысли, что его будущим партнером должен стать альфа, Цзянь Сунъи тут же столкнулся с новой суровой реальностью. Он измученно вздохнул:

— Быть омегой — сплошная головная боль. Уж лучше бы вообще не разделялся по полу... Ну или на крайний случай остался бы бетой.

— Вместо того чтобы накручивать себя и сокрушаться о несбыточном, ложись-ка спать. Утро вечера мудренее, пора смириться с фактами.

— А ты сам попробуй стань омегой! Посмотрю я, как ты запоешь, — буркнул Цзянь Сунъи. Впрочем, помня, что Бо Хуай провозился с ним всю ночь, он не стал развивать спор и сменил гнев на милость: — Я-то лягу. А ты что будешь делать?

— Останусь здесь. На правах твоего временного опекуна буду дежурить у постели.

Бо Хуай вытянул свои длинные ноги и откинулся на спинку стула с таким решительным видом, словно собрался нести караул на дальнем пограничье.

— Да брось, это лишнее. Завтра же уроки.

— Дедушка уладит вопрос с пропусками. К тому же тетя Тан уже мчится сюда на всех парах. Думаю, к твоему пробуждению она будет на месте, и я смогу со спокойной совестью передать тебя ей.

Бо Хуай говорил небрежно, но залегшие под его глазами тени выдавали крайнюю усталость. Поскольку его бабушка по материнской линии была европейкой, у него от природы были необычайно светлая кожа и волосы, так что даже легкий недосып моментально отражался на его лице.

Глядя на него, Цзянь Сунъи почувствовал укол совести. Он прикусил губу и негромко произнес:

— Спасибо тебе. Прости, что доставил столько хлопот.

— Ну какие тут хлопоты, — Бо Хуай мягко усмехнулся.

Его губы тронула едва заметная улыбка, а в голосе послышались лукавые нотки:

— Как-никак, ты ведь сам только что назвал меня «братом Хуаем».

— Что?!

Видя, как округлились от крайнего возмущения глаза Цзянь Сунъи, Бо Хуай оставался полностью удовлетворен своей маленькой шалостью. Поняв, что приступ слабости у друга наконец угас, он решил больше не утомлять его разговорами.

Его взгляд потеплел, а улыбка стала мягче:

— Ладно, спи уже. А если тебе действительно неловко, то прояви великодушие и перестань на меня дуться. Я ведь парень бесхитростный, извиняться и подбирать красивые слова совсем не умею.

Цзянь Сунъи недовольно пробурчал что-то под нос, подумав про себя:

"Тоже мне, выискался утешитель"

Всепоглощающая усталость быстро взяла свое. Веки отяжелели, и он провалился в глубокий, беспамятный сон.

А по комнате тем временем продолжал безостановочно растекаться густой, пьянящий аромат дикой розы. Он становился всё насыщеннее, заполняя собой каждый уголок пространства, и спрятаться от него было невозможно.

Убедившись, что Цзянь Сунъи крепко заснул, Бо Хуай бесшумно поднялся со стула. Он зашел в ванную комнату, запер за собой дверь на защелку и торопливо расстегнул пуговицы рубашки до самой груди. Опершись ладонями о край раковины, он низко склонился и принялся судорожно, глубоко дышать, пытаясь прийти в себя.

Пальцы его до белизны сжали фаянсовый бортик, на тыльной стороне ладоней отчетливо проступили напряженные сухожилия и набухшие вены.

Спустя минуту он зачерпнул пригоршню ледяной воды и резко плеснул себе в лицо.

Физиология оказалась безжалостна и честна. Стоило ему подойти к Цзянь Сунъи поближе, вдохнуть его манящий, терпкий аромат, как каждая клетка его тела начинала неистово

бунтовать, требуя подчинить этого омегу, заклеить его своей меткой и забрать без остатка.

Ирония заключалась в том, что сам виновник этого безумия даже ни о чем не догадывался, пребывая в блаженном неведении.

Бо Хуай поднял голову и посмотрел в зеркало. С гладкого стекла на него взирало его собственное бледное лицо с застывшей, непроницаемой маской, за которой скрывалось колоссальное, почти нечеловеческое самообладание. По мокрой коже медленно стекали капли воды.

"Омега... И надо же было случиться такой невероятной совместимости"

"И как нам теперь целый год уживаться под одной крышей, видясь изо дня в день?"

На его губах промелькнула горькая, самокритичная усмешка.

Вернувшись в палату, он сел у кровати и осторожно коснулся ладонью разгоряченной шеи Цзянь Сунъи в области затылка. Бо Хуай мягко высвободил свои феромоны, пахнущие чистой прохладой соснового бора после снегопада. Свежий хвойный аромат невидимым покрывалом окутал спящего парня, помогая разгладить судорожно сжатые брови.

Во сне Цзянь Сунъи инстинктивно поддался этому благотворному влиянию и полностью ослабил защиту. Исчезла его вечная колючесть и воинственный настрой. Доверившись теплу, он прижался щекой к ладони друга, слегка потеревшись о нее. Длинные, густые ресницы, похожие на крылья ворона, неподвижно покоились на бледной коже. В этот миг он казался невероятно беззащитным и невинным.

Бо Хуай мысленно напомнил себе, что он обязан держать свои инстинкты в узде и оставаться человеком.

На следующее утро погода была чудесной.

Яркие солнечные лучи пробивались сквозь легкие белые шторы палаты, ложась на пол мягкими золотистыми бликами и наполняя комнату уютным теплом.

Все помещение по-прежнему было пропитано ярким, будоражащим запахом дикой розы, распространяющимся с поистине стихийной силой.

Бо Хуай оказался прав: этот аромат не имел ничего общего со сладким, приторным благоуханием тепличных цветов. Это был запах дикой розы, пробивающейся сквозь

раскаленный песок пустыни или цепляющейся за каменистые кручи бесплодных скал. В нем доминировали терпкие, глубокие древесные ноты.

Запах казался резким, строптивым и своенравным — казалось, в нем физически ощущались острые колющие шипы.

Цзянь Сунъи лениво подумал:

"Пусть его аромату не хватает истинно альфийской мощи и величия, но для начала сойдет"

Почувствовав легкость во всем теле после завершения мучительного процесса пробуждения генов, он сладко потянулся.

Из ванной комнаты вышел Бо Хуай с мокрыми после душа волосами:

— Проснулся?

Его голос звучал хриловато — верный признак бессонной ночи.

Верхние пуговицы его рубашки были небрежно расстегнуты, обнажая четко очерченные ключицы и сильную шею с выступающим кадыком. С влажных прядей по линии челюсти скатывались прозрачные капли, исчезая под воротником и подчеркивая рельефные очертания плеч.

Цзянь Сунъи невольно отметил про себя:

"В одежде он всегда кажется довольно худым, а на деле, оказывается, отлично сложен"

"Генетика доминантных альф действительно заслуживает зависти"

Одной рукой вытирая голову полотенцем, Бо Хуай точным движением бросил Цзянь Сунъи небольшой флакон с блокиратором запаха:

— Пользуйся.

Блокиратор оказался без запаха.

"И слава богу. По крайней мере, обошлось без приторных ароматических отдушек"

Цзянь Сунъи встряхнул баллончик и щедро распылил средство на шею и одежду.

Бо Хуай прислонился к подоконнику, продолжая взъерошивать влажные волосы, и лениво заметил:

— Омеги способны контролировать свои феромоны в обычные дни. Так что учись держать их при себе и не разбрасывайся ими направо и налево.

— Кто еще тут разбрасывается, — огрызнулся Цзянь Сунъи.

Закончив процедуру, он принялся. Воздух в комнате мгновенно очистился: от ароматов сосны и розы не осталось и следа. Юноша с одобрением осмотрел флакон, усыпанный иностранными надписями:

— Отличная штука.

— Новейшая разработка из Северной Европы. Считается лучшей на рынке. Стоит пару раз пшикнуть, и ни один зверь не почует твою истинную природу.

Цзянь Сунъи взвесил баллончик на ладони, о чем-то сосредоточенно размышляя.

Лишь мгновение спустя до него дошел один странный факт:

— Погоди, неужели в нашей больнице начали выдавать такие дорогие импортные блокираторы?

— Это не местный.

— Хм... — Цзянь Сунъи посмотрел на него с подозрением. — Ты же альфа. Зачем тебе при себе держать омежи блокираторы запаха? Неужто припрятал для особых случаев?

Бо Хуай не выдержал и хмыкнул, подумав:

"Интересно, за кого он вообще меня принимает?"

— Твоей мамы.

— Эй, ты чего обзываешься?

— Я не ругаюсь. Я говорю, что этот блокиратор принадлежит госпоже Тан Цинцин, твоей многоуважаемой матушке.

Не успел Цзянь Сунъи переварить эту информацию, как дверь палаты с грохотом распахнулась. В комнату влетела элегантная, изящно одетая женщина. Она пулей бросилась к кровати и мертвой хваткой вцепилась в сына, заливаясь горячими слезами:

— Сыночек мой! Бедный мой мальчик! За какие грехи тебе досталась такая горькая доля?! О-о-о...

Цзянь Сунъи лишился дара речи, подумав:

"Если мне не изменяет память, я всего лишь прошел обычное разделение полов, а не заразился смертельной болезнью"

Смутившись, он неловко похлопал мать по спине:

— Мам, ну всё хорошо со мной, прекрати плакать. Твой крем под глаза стоит целое состояние, пожалей его.

— Да какой к черту крем, когда речь идет о моем сыне! Хнык...

Цзянь Сунъи терпеливо продолжал ее убаюкивать, смягчив свой привычный колючий тон:

— Ну видишь же, я цел и невредим.

— Что значит цел?! — Тан Цинцин резко отстранилась, ее лицо было мокрым от слез. — Ты превратился в омегу! Разве это можно назвать «всё хорошо»?!

Цзянь Сунъи невольно усмехнулся:

— Надо же, не знал, что ты у меня сторонница патриархальных устоев. Бросай эти феодальные предрассудки, мама.

Тан Цинцин прекрасно понимала, что сыну сейчас гораздо тяжелее, однако он упрямо пытался ее приободрить. От этой мысли ее материнское сердце окончательно растаяло.

Смахнув набежавшие слезы и кое-как справившись с дрожью в голосе, она крепко сжала его ладони:

— Ладно, сынок. Пусть с твоим характером и внешностью будет непросто найти мужа, не переживай. У твоего отца полно денег, мы без проблем прокормим тебя до старости. Главное — не принимай это близко к сердцу.

Цзянь Сунъи онемел от такого утешения.

Но госпожу Тан уже было не остановить. Нахлынувшие эмоции захлестнули ее с новой силой:

— Это всё моя вина! Исключительно моя! Та проклятая контора била себя в грудь, заявляя о стопроцентной точности тестов, а я, дура, поверила! С пеленок растила тебя как альфу. Даже когда Сяо Хуай разделился и стал настоящим альфой, у меня и мысли не возникло, что с тобой что-то не так. Мое упрямство и довело тебя до такой жизни!

Цзянь Сунъи вздохнул про себя:

"И до какой же такой жизни я докатился?"

— Ты только посмотри на себя: дылда под два метра, характер не сахар, да еще и пресс кубиками! — С этими словами она без церемоний пощупала его за талию и сокрушенно вздохнула: — Весь твердый, ни капли омежьей мягкости. Какой нормальный альфа, если он, конечно, не круглый дурак с напрочь отбитыми мозгами, позарится на такое сокровище?

Бо Хуай кашлянул в кулак, из последних сил стараясь сохранить невозмутимый вид.

Цзянь Сунъи покраснел от досады.

Видя, что мать страдает абсолютно искренне, Цзянь Сунъи, наступив на горло собственной гордости, попытался ее успокоить:

— Мам, да ладно тебе. Мне всё равно не нравятся альфы. К тому же, если честно, среди омег я пользуюсь бешеной популярностью...

— И толку от твоей популярности?! — всплеснула руками Тан Цинцин. — Омега с омегой? И что вы будете делать, когда у обоих начнется период гона? Сидеть друг напротив друга и глазами хлопать? Или яйца на палочке жарить от взаимного жара?!

На сей раз аргументы у Цзянь Сунъи закончились окончательно.

Бо Хуай мысленно заплодировал. Госпожа Тан била не в бровь, а в глаз — ее логика была безупречной.

Тан Цинцин обреченно вздохнула:

— Эх, ладно. В крайнем случае унаследуешь семейный бизнес, а мы тебе... купим, то есть найдем какого-нибудь порядочного, но бедного альфу, чтобы вошел в нашу семью примакон.

Так тебя точно никто не посмеет обидеть, да и внуки будут носить нашу фамилию. Если одного мало окажется — найдем двоих, а то и троих. Среди них уж точно отыщется покладистый и тихий.

Цзянь Сунъи мысленно усмехнулся:

"План, конечно, надежный, как швейцарские часы"

Бо Хуай почувствовал, что фантазия госпожи Тан уклоняется в крайне опасное русло.

Он деликатно кашлянул, привлекая к себе внимание:

— Тетя Тан, не стоит так драматизировать. Сяо И еще совсем молод, ему всего семнадцать. Впереди куча времени, да и жизнь — штука непредсказуемая.

Напомнив себе о присутствии постороннего, Тан Цинцин поспешила немного умерить пыл:

— И то верно, куда торопиться. Будем решать проблемы по мере их поступления. Может, и нашему дуралею когда-нибудь повезет встретить свою судьбу.

Но тут она снова тяжело вздохнула:

— Если честно, когда пришли те ваши детские анализы, мы с твоим отцом всерьез подумывали обручить вас еще в колыбели. Но стоило тебе разделиться и стать альфой, как я тут же похоронила эту затею. А теперь, когда Сяо И оказался омегой... признаться, у меня даже мелькнула грешная мысль сплавить его тебе.

У Бо Хуая внутри сладко екнуло.

— Но так поступать нельзя! — Тан Цинцин заговорила с глубоким, неподдельным чувством, преданно глядя на Бо Хуая затуманившимися от слез глазами. — Я ведь растила тебя на собственных глазах. Как у меня только рука поднимется толкнуть тебя в такое пекло? Если я навяжу тебе нашего Сяо И, меня же совесть сожрет живьем! Да и твой покойный отец в гробу перевернется. Ты такой замечательный мальчик, и я ни за что не стану портить тебе жизнь ради собственного эгоизма!

Бо Хуай не нашел, что на это ответить.

Цзянь Сунъи уставился в потолок, обреченно подумав:

"О да, без сомнения... это моя родная мать"

<http://bllate.org/book/20583/2131933>